

Толпа с трепетом наблюдала, как воздушный корабль выбирал швартовы. Макайссон повернул штурвал и потянул рычаги, чтобы немного подкорректировать курс. Едва разминувшись с огромным шпилем храма Ульрика, они отправились по направлению на север.

Феликс отдыхал в одном из кресел командной палубы. Мест было полно. Большинство гномов отсыпалось с похмелья, и на мостике остался лишь костяк команды.

По правде говоря, и сам Макайссон имел неважный вид. Мало успокаивали слабые стоны, что тот издавал время от времени, в сочетании с тем, как вглядывался в горизонт прищуренными воспалёнными глазами. Феликс уже был не столь уверен, что следовало лететь на корабле.

— Я могу тебе помочь? — спросил он главного инженера.

— Ты о чём, Феликс?

— Может быть, я возьму управление, а ты пока отдохнёшь.

— Ну, не знаю. Это высокотехническая работа.

— Я могу попробовать. На случай, если с тобой что-нибудь случится, может оказаться полезным иметь на борту кого-нибудь ещё, кто сможет управлять кораблём. Я имею в виду, ты же Истребитель, сам понимаешь...

— Другие инженеры знают, як це робить... однако, я полагаю, шо понял твою мысль. Иметь дополнительного пилота не повредит, так, на всякий случай.

— Означает ли это твоё согласие?

— Мени действительно не следует так поступать. Це против устава гильдии — обучать обращению с подобными механизмами кого-нибудь, кроме гномов. Однако же сама ця штука в целом против правил гильдии — и где тут вред, скажи мне?

Он поманил Феликса, чтобы тот поднялся и встал на его место.

— Бери штурвал, господин Ягер.

Феликс согнул колени, чтобы оказаться на той же высоте, что гном, и нашёл такую позу весьма неудобной. Держать штурвал в руках оказалось трудно. Он прилагал все усилия, чтобы удерживать его в неизменном положении. Штурвал, казалось, живёт своей жизнью, пытаясь повернуться то в одну, то в другую сторону, и Феликсу приходилось постоянно бороться, чтобы удержать его.

— Це всё воздушные потоки, — сказал Макайссон. — Вони давят на руль и элероны{20}. Привыкай ими пользоваться. Поняв?

Феликс нервно кивнул.

— Подевысь чуть вниз и налево от себе. Ты побачишь там невеликий прыбор. Це компас.

Феликс так и сделал. Он увидел компас, вращающийся на сложной конструкции шарниров таким образом, что стрелка по центру всегда указывала на север.

— Як бачишь, в данный момент мы направляемся на северо-северо-восток. Це наш курс. Як шо ты трошки повернеш штурвал, курс изменится. Просто трошки отклони по кругу и потом верни

курс обратно на северо-северо-восток.

Феликс сделал, как было сказано, и мягко, как только мог, двинул штурвал. Снаружи, за окном, линия горизонта медленно сместилась. Он повернул штурвал в обратную сторону, и они снова вернулись на правильное направление.

— Славно сработано! Ничего особенного, верно?

Феликс обнаружил, что усмехается в ответ Макайссону. Было что-то бодрящее в управлении столь массивной и быстрой штукой, как воздушный корабль.

— Что дальше? — спросил он.

— Бачишь справа от твоей правой руки ряд рычагов?

— Да.

— Добре, перший — для скорости. Ничего не робы, пока я не скажу, но если сдвинуть его вперед — двигатели прибавят скорости. Если потянуть назад — скорость снизится. Если отвести до конца назад, то направление движения изменится на обратное, на реверс. Успеваешь за мной?

Феликс снова кивнул.

— Теперь, этот циферблат перед тобой, с отметками в порядке возрастания. Як бачишь, вин по кругу отмечен разными цветами.

Феликс увидел указанный прибор рядом с компасом. Прямо сейчас стрелка находилась в зелёном секторе на десятом делении. До красного сектора было почти пять делений.

— Пока стрелка в зелёном секторе, всё путём. Це область допустимой работы двигателя. Двигай вперёд — но держи стрелку на зелёном.

Феликс нагнул рычаг вперёд. Тот сопротивлялся усилиям, поэтому он надавил сильнее, чем изначально собирался. Как только он это сделал, стрелка переместилась вперёд, а гудение двигателей изменилось на более высокочастотное. Казалось, земля под ними проносится быстрее, а облака по сторонам проплывают поспешнее. Внезапно Феликс ощутил твёрдую руку Макайссона поверх своей. Пальцы сжало, словно стальным обручем, и он обнаружил, что рычаг сдвинут назад.

— Я казав — держать на зелёном, понимаешь? Красный — только на крайний случай. Ты запускаешь двигатель на красном и летишь гораздо быстрее, но через некоторое время вин сгорит, возможно, даже взорвётся. На цьой высоте — не самая приятная вещь.

Феликс увидел, что по случайности загнал стрелку в красный сектор. Он попытался убрать свою руку назад, но Макайссон удержал её на месте.

— Не убирай руку с управления, пока я не скажу. Держи руку на рычаге скорости, добре?

Феликс кивнул, и инженер освободил его руку.

— Не переживай. Ты не зробишь ничего особо плохого. И так, следующий рычаг управляет стабилизаторами. Не перепутай ци рычаги, це будет неприятно!

Феликсу захотелось, чтобы он никогда не предлагал обучаться всему этому. Оказалось, тут много возможностей для аварии, о чём он никогда не задумывался.

— Каким образом?

— Ну, стабилизаторы управляют нашей высотой над уровнем земли. Як шо потянуть тот рычаг назад, стабилизаторы в хвосте изменяют положение, и мы идем вверх. Если двинуть его вперёд — мы идем вниз. Вот всё, шо тоби действительно необходимо знать. Настоящие причины технически сложны, и я сомневаюсь, щоб ты их понял.

— Верю тебе на слово.

— Так, потяни рычаг назад. Плавно! Мы не хотим перебудить всех. Теперь обрати внимание на невеликий прибор за циферблатом скорости. Це твоя высота. Чем больше делений, тем выше мы находимся. Ещё раз, ни в коем случае не заходи в красный сектор. Це може быть смертельно, того шо лететь мы будем слишком высоко. И постарайся не уронить штуку до нуля, так як це буде означать, шо мы ударимся о землю. Теперь верни рычаг обратно в среднее положение. Ты почувствуешь при цьом небольшой щелчок. Це означает, шо мы выровнялись.

Феликс сделал, как было сказано. В ушах послышался необычный шум, который пропал, когда он сглотнул. Он убрал руку с рычага высоты и указал на небольшой рядок коротких и широких рычагов, выведенных на панель на высоте его левой руки.

— А эти для чего?

— Ни одын из них не трогай. Вони управляют различными функциями, вроде балласта, горючего и прочего. Я тоби расскажу про них в другой раз. А сейчас ты уже знаешь всё шо надо, щоб удержать корабль на лету. Теперь продолжай держать направление на северо-северо-восток. И бачишь вон те часы? В два часа разбуди меня. Я пойду, вздремну. Моя голова грохи болит после всей цьой вчерашней выпивки.

— Что делать, если что-либо пойдёт не так?

— Просто позовы мене. Я буду тут, в кресле.

Произнеся это, Макайссон уселся в кресло, и вскоре его храп разнёсся по мостику воздушного корабля.

Управляя судном первые несколько минут, Феликс определённо нервничал, но по прошествии времени он обрёл уверенность, что в этом нет ничего страшного. Через некоторое время на мостик пришли несколько инженеров. Некоторые глядели на него с изумлением, но заметив дремлющего неподалёку Макайссона, оставили Феликса у штурвала. Вскоре вид проносящейся под ними земли и облаков стал почти успокаивающим.

— Так ты — пилот?

Мягкий голос вывел Феликса из задумчивости. Это был голос женщины, хрипловатый, с более чем явным присутствием иностранного акцента. Предположительно, кислевитского.

Феликс покачал головой, но не обернулся к женщине. Его внимание было сфокусировано на том, куда они следуют, просто на случай, если по пути встретится что-нибудь неожиданное.

— Нет. Но можно сказать, что обучаюсь на пилота.

Мягкий смех.

— Полезный навык.

— Не знаю. Не думаю, что хочу сделать на этом карьеру. В мире не особо много судов вроде этого.

— Я полагаю, это — единственное. И принимая во внимание его назначение, сомнительно, что будут и другие.

— Значит, ты знаешь, куда мы направляемся?

— Я знаю, куда направляешься ты, и я тебе не завидую.

Феликс постарался смотреть вперёд и не оглядываться на неё. Он помнил, в чём поклялся Бореку в Одинокой Башне. Он совсем не знал эту женщину и, возможно, она выпытывает у него информацию.

— Ты знаешь наш конечный пункт?

— Я знаю, что вы следуете в Пустоши, и этого достаточно для любого здравомыслящего существа. Не думаю, что вы вернётесь обратно.

Феликс был удручён, услышав мнение, столь близко перекликающееся с его собственным. Он был также разочарован, узнав, что женщина не имеет намерения присоединиться к их поискам.

— Тогда предположу, что те места тебе знакомы?

— Столь же знакомы, как любому, кто не служит Силам Разрушения. Поместья моей семьи граничат со Страной Троллей настолько близко, насколько любой из смертных осмеливается поселиться в проклятых землях. Мой отец — Хранитель Границы. Мы проводим много времени в сражениях с последователями Хаоса, которые пытаются проникнуть в земли людей.

— Это, должно быть, интересная жизнь, — с иронией произнёс Феликс.

— Как сказать. Однако сомневаюсь, что более интересная, чем твоя. Что привело тебя на борт этого судна? Должна признать, я поражена, увидев человека, и приятной наружности, там, где ожидала увидеть лишь Борека и его соплеменников.

Феликс улыбнулся. Прошло много времени с тех пор как кто-либо, в особенности привлекательная женщина, называл его красавцем. Однако он не утратил бдительности.

— Я друг.

— Ты — Друг Гномов? Тогда, должно быть, ты совершил какие-то грандиозные деяния. Одному лишь Ульрику известно, сколь немного таких было за всю историю.

Феликс гадал, может ли это быть правдой. Он всегда полагал, что „друг гномов“ всего лишь вежливая форма обращения. А теперь, оказывается, это в действительности может являться неким титулом. Он собирался ответить, когда за его спиной в разговор вмешался Макайссон.

— Эй, дорогуша, парень во многих происшествиях сражался плечом к плечу с Готреком Гурниссоном. И вин приложил руку к очищению священных склепов Карака Восьми Вершин.

Если же не основания для того, чтоб называть його Другом Гномов, тоди уж я не знаю! В любом случае, раз уж ты разбудил меня своей болтовнёй, то можешь заодно передать мени штурвал. Я приму його прямо сейчас.

Макайссон приковылял и локтем отпихнул Феликса от управления. Он многозначительно подмигнул Феликсу.

— Теперь ты и дорогуша можете обсудить дела сердечные.

Феликс пожал плечами и с улыбкой повернулся к женщине.

— Феликс Ягер, — кланяясь, произнёс он.

— Ульрика Магдова, — произнесла она, улыбаясь в ответ. — Рада нашему знакомству.

То, как она произнесла слова этого формального приветствия, показывало, что к ним она не привыкла. Она заучила их, как вежливую формулу обращения при общении с жителями Империи. Феликс подумал, что в её родной стране приветствие выглядит несколько иначе.

— Пожалуйста, присаживайся, — сказал он, ощущая себя в некоторой степени глупо при соблюдении формальностей, которых он хотел бы избежать. Они оба опустились в мягкие гномьи кресла, вытянув свои ноги. Феликс заметил, что его ранее сделанное предположение о том, что она почти с него ростом, оказалось верным. Глядя в её лицо, он пересмотрел своё прежнее впечатление от её внешности. Оно изменилось с „просто привлекательна“ до „сногшибательно прекрасна“. Во рту у него внезапно пересохло.

— Итак, что ты делаешь на этом судне? — спросил он, лишь бы сказать что-нибудь.

Ульрика одарила его томным лукавым взглядом, словно в точности прочитала его мысли.

— Я следую домой, в поместья моего отца.

— Представить не могу, чтобы Борек попросту, без всякой причины, позволил кому-либо быть пассажиром на этом корабле.

Ульрика поднесла правую руку ко рту и погладила губу указательным пальцем. Феликс заметил, что пальцы огрубевшие, как у мечника, а ногти очень коротко подстрижены.

— Мой отец и Борек — старые друзья. Когда отец был молод, они вместе сражались во многих стычках. Он помог провести последнюю экспедицию Борека до края Пустошей. Отец позаботился о нём и твоём друге Готреке, когда те приковыляли обратно с выжившими. Он не был удивлён. Отец предупреждал их не ходить туда. Они не послушали.

Феликс пристально посмотрел на неё. Он не представлял, что в прошлой экспедиции участвовал кто-либо из людей.

— Это меня не удивляет, — печально сказал Феликс.

Он обладал значительным опытом в том, насколько упёртыми могут быть гномы.

— Кое-что удивило даже моего отца. Он не ожидал, что хоть кто-нибудь возвратится с того гибельного задания. Из-за последователей Хаоса подобное удавалось весьма немногим.

— Как давно был тот поход?

— До моего рождения. Более двадцати зим назад.

— Значит, гномы долго ожидали возможности вернуться.

— Вроде бы. Похоже, что они хорошо подготовились. Даже более того, в Мидденхейме я оказалась, доставив сообщение отца о том, что он выполнил их запросы.

— Что ты имеешь в виду?

— Борек просил отца сделать некие приготовления в нашем поместье. Собрать чёрную воду. Построить башню. Заготовить кое-какие припасы. В то время это казалось бессмысленным, но теперь, увидев этот корабль, думаю, что смысл мне ясен.

— Гномы построили базу, промежуточную станцию на земле твоего отца.

— Ага. И заплатили за это доброй гномьей сталью.

Поймав недоумённый взгляд Феликса, она улыбнулась ему и обнажила один из своих мечей, немного вынув его из ножен. Феликс заметил на клинке гномьи руны.

— У границ Хаоса золото нам без надобности. Оружие нам подходит больше, а гномы — лучшие оружейники в мире.

— Ты проделала долгий путь от Кислева до Мидденхейма. Далековато для прекрасной молодой женщины, путешествующей в одиночестве.

— Замечательно, господин Ягер! Я уже почти отчаялась услышать от тебя комплимент. В Кислеве мужчины более прямолинейны в подобных вопросах.

— Похоже, женщины тоже, — с лёгким удивлением заметил Феликс.

— Жизнь коротка, а зима долга, как мы говорим.

— Что это означает?

— Ты настолько бестолковый?

Феликс не мог ничего поделаться, но чувствовал, что беседа выходит из под его контроля. Он ранее никогда не встречал женщин, похожих на эту кислевитку, и не был уверен, что это ему нравится. Женщины Империи не вели себя подобным образом, разве что за исключением маркитанток и девок из таверн, а Ульрика Магдова, несомненно, не относилась ни к тем, ни к другим. Вероятнее всего, он попросту недостаточно понимает её нрав. Возможно, это всего лишь манера поведения женщин-кислевиток.

Нарушив неловкое молчание, Ульрика произнесла:

— Я путешествовала до Мидденхейма не одна — хотя могла бы. При мне были телохранители из гусар моего отца. Они отбыли на север, а я ожидала возвращения с Борексом.

Впервые она не встретила с ним взглядом. Он почувствовал, что она что-то скрывает и не был уверен, что же это может быть. Несомненно, тут было нечто большее, чем переглядывание. В то же время, Феликс впервые начал подозревать, что кислевитка не столь самоуверенна, как он мог предположить по её красоте и дерзости. Такое предположение внезапно сделало Ульрику более доступной и, некоторым образом, более привлекательной.

Феликс улыбнулся ей снова, и она улыбнулась в ответ, на этот раз несколько печальнее. Затем Ульрика бросила взгляд за его плечо, обеими руками разгладила брюки и встала на ноги, всё это время удерживая его ослепительной улыбкой.

Феликс посмотрел в направлении её взгляда и заметил, что другой пассажир — волшебник — только что вошёл в помещение командного мостика. Он смотрел на них с недоумевающим и, как показалось Феликсу, обиженным видом. В чём бы ни была причина, незнакомец тут же взял себя в руки. Его худощавые, привлекательные черты лица приобрели выражение апатичного удивления, и он проследовал в помещение. Ульрика Магдова прошла мимо него, помедлив лишь для того, чтобы бросить снисходительный высокомерный взгляд.

— Добрый день, господин Шрейбер. Рада была пообщаться с тобой, Феликс.

— Добрый день, — негромко произнёс Феликс, поднявшись, как только Ульрика пропала из вида.

Маг опустился в кресло, которое она освободила.

— Итак, — произнёс он, — вы познакомились с прекрасной Ульрикой. И что вы думаете, а?

«Что за неуместный вопрос от совершенно незнакомого человека», — подумал Феликс, но он слышал, что маги бывают несколько чуждаваты. Затем он заметил, что мужчина улыбается и покачивает головой, словно смакуя собственную шутку. Белые зубы контрастировали с загорелой кожей — выражение лица, оттачиваемое волшебником годами. Феликс предположил, что волшебник вряд ли старше него более чем на десяток лет. Внезапно мужчина импульсивно протянул свою руку.

— Максимилиан Шрейбер, к вашим услугам. Друзья зовут меня Максом.

— Феликс Ягер, к вашим услугам.

— Феликс Ягер. Я прежде слышал это имя. Был весьма обещающий поэт с таким именем. Вы имеете к нему отношение? Несколькоми годами ранее я прочёл несколько его стихов в сборнике Готтлиба. Они мне более чем понравились.

Феликс был приятно удивлён, обнаружив, что незнакомец слышал о нём. Он вернулся мыслями назад в дни студенчества, когда он писал стихи и рассылал их в различные сборники. Всё это словно происходило с кем-то другим и давным-давно.

— Это мои стихи, — сказал он.

— Превосходно. Приятная неожиданность. Почему вы перестали писать? Издание Готтлиба, вышло, должно быть, три года назад, по меньшей мере.

— У меня были кое-какие проблемы с законом.

— Что за проблемы?

Что-то в обходительных манерах мага начало раздражать Феликса.

— Я был отчислен из университета за убийство человека на дуэли. А затем последовали бунты Оконного Налога.

— О да, бунты. Итак, впридачу к тому, что вы поэт Феликс Ягер, вы ещё и известный

преступник Феликс Ягер, оруженосец Готрека Гурниссона, пользующегося дурной славой.

Феликс побледнел от потрясения. Прошло много времени с тех пор, как он встречал кого-нибудь, кто мог сопоставить оба эти факта воедино, или вообще знал о том, что Феликс преступник. Империя обширна, а новости распространяются медленно. Феликс весьма долгое время не бывал вблизи Альтдорфа — места той ужасной бойни во время бунтов. Волшебник явно заметил его состояние. Его улыбка трансформировалась в усмешку.

— Не беспокойтесь. Я не собираюсь передавать вас в руки закона. Сам всегда полагал тот налог несправедливым и дурацким. И, по правде говоря, я сочувствую вашим затруднениям в университете. Меня самого вышвырнули из Имперского Колледжа Магов, правда, за несколько лет до того, как вы начали свою карьеру бунтовщика.

— Вас?

— О, да. Мои наставники полагали, что я проявляю нездоровый интерес к теме Хаоса.

— Полагаю, я с ними согласен. Это та тема, любой интерес к которой нездоров.

Слабый огонёк промелькнул в глазах волшебника, и он порывисто склонился вперёд на своём сидении.

— Я не могу поверить, что вы так думаете, господин Ягер. Подобную недалёковидность я мог бы ожидать от ссохшихся стариков из колледжа, но никак не от искателя приключений вроде вас.

Феликс ощутил необходимость защитить свою точку зрения.

— Я полагаю, что знаю кое-что на эту тему. У меня больше опыта противостояния Хаосу, чем у большинства.

— Вот именно! Я тоже сражался против Тёмных Сил, друг мой, и обнаруживал их служителей в разных малопривлекательных местах. И я не думаю, что ошибаюсь, говоря о том, что в настоящее время это величайшая отдельно взятая угроза нашему государству. Нет, нашему миру!

— Тут я с вами согласен.

— И учитывая подобное обстоятельство, что плохого в изучении этой темы? Для того, чтобы бороться со столь могущественным противником, мы должны понимать его. Мы должны знать его силы и слабости, его цели и опасения.

— Да, но изучение Хаоса искажает тех, кто этим занимается! Многие вступали на этот путь с лучшими намерениями, лишь чтобы обнаружить себя порабощёнными теми силами, против которых они сражались.

— Сейчас вы говорите, несомненно, как мои пожилые наставники! А не приходит ли вам на ум, что, будучи служителем Хаоса, вы могли бы использовать точно такие же аргументы, чтобы мешать осуществлению расследования своей деятельности?

— Не можете же вы всерьёз предполагать, что ваши наставники в имперском колледже являются...

— Разумеется, нет! Я просто утверждаю, что служители Хаоса коварны. Вы не представляете себе, насколько коварны. Всё, что им требуется сделать — это поместить идеи в книгах, распространить слухи, поощрить убеждения. И, разумеется, Хаос искажает. Если ты работаешь с искривляющим камнем — он изменит тебя. Если ты проводишь тёмные ритуалы — твоя душа будет запятнана. Я признаю, что в подобной линии аргументации есть доля истины. Тем не менее, я не думаю, что это должно останавливать нас от исследования Хаоса, попыток нахождения способов воспрепятствовать его распространению, обнаружения его последователей, ослабления его ужасающей силы. Во всём нашем обществе распространился заговор молчания. Он поощряет невежество. Он даёт нашим врагам тень, в которой они скрываются, места, где они прячутся и плетут заговоры.

Феликс признавал — в словах Шрейбера что-то есть. По правде говоря, он частенько размышлял подобным образом.

— Возможно, вы правы.

— Возможно? Бросьте, Феликс, вы знаете, что я прав. Как и многие другие люди. К несчастью, я совершил ошибку, опубликовав свои соображения в небольшом памфлете. Власти сочли его еретическим и...

— Вы тоже стали преступником.

— Более или менее, суммируя произошедшее.

— Почему вы на борту этого судна?

— Потому что я продолжаю свои исследования. Я перемещаюсь с места на место, по мере возможности сражаясь против Хаоса; собираю информацию, где получается; отслеживаю злобных колдунов. В этом вопросе я самостоятельно стал кем-то вроде эксперта и, в конце концов, нашёл пристанище при дворе курфюрста Стефана. Он более дальновиден, чем большинство наших аристократов. Он и рыцари Белого Волка помогают финансировать мои исследования. Пять лет назад я повстречал вашего друга Борекка, когда он посетил библиотеку храма. Он более чем заинтересовался, когда выяснил, что мне удалось, насколько я верю, найти способ защиты от наихудших проявлений Хаоса. Он призвал меня помочь защитить этот корабль на время путешествия.

Внезапно Феликс начал сознавать масштабы приготовлений, проделанных для их экспедиции. Это был размах, с которым он ранее никогда не сталкивался. Борек не только руководил строительством обширного промышленного комплекса у Одинокой Башни, он ещё и задействовал отца Ульрики в постройке передовой базы, а заодно разыскал и привлёк этого волшебника для защиты их от Хаоса. Старый гном не преувеличивал, заявляя, что это дело всей его жизни. Феликс начал прикидывать, какие ещё признаки мастерского планирования будут проявляться по ходу продолжения путешествия. Однако же, заявления Шрейбера его не совсем убедили.

— Вы нашли способ защитить этот воздушный корабль от проявлений Хаоса?

— Таковых множество, начиная с простых рун и защитных заклинаний до обычных предосторожностей, таких как гарантия должного обеспечения незараженными пищей и водой. Поверьте мне, Феликс, я бы не согласился помогать вам, не будь уверен, что имеются хорошие шансы обеспечить вашу безопасность.

— Значит, вы не последуете с нами?

— Лишь до Кислева. Не весь путь до Караг-Дума.

Феликс с изумлением посмотрел на волшебника.

— Говорю вам, Феликс, я — учёный. Это моя область. По этой теме я изучил всё, что мог. Я вполне способен самостоятельно догадаться, какую именно экспедицию с подобным размахом готовит гном вроде Борека. И для меня не было неожиданностью, когда он поведал мне о своей цели.

Шрейбер поднялся с кресла.

— Говоря об этом длиннородом учёном, я вспомнил, что должен сейчас пойти и обсудить с ним кое-какие вопросы. Но я надеюсь на возможность пообщаться с вами ещё, пока путешествие не закончится.

Он поклонился и отошёл, но у дверного проёма повернулся.

— Я рад, что на борту находится образованный человек. Я думал, мне придётся провести это путешествие в приставаниях к прелестной Ульрике. Славно, что заодно удалось познавательного пообщаться.

Феликс не понимал, почему это замечание показалось ему оскорбительным. «Возможно, — сказал он себе, — я просто ревную». И затем удивился, с какой стати испытывает подобное чувство по отношению к женщине, которую встретил только что?

<http://tl.rulate.ru/book/2507/47222>